

Живое Авторское Слово

МОЦАРТ В МЕТРО

Альманах

Татьяна Помысова

Моцарт в метро. Альманах

«Издательские решения»

Помысова Т. Е.

Моцарт в метро. Альманах / Т. Е. Помысова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939468-2

Проект «Живое Авторское Слово» объединяет авторов Москвы и Санкт-Петербурга, Германии, Франции и Украины, Польши, Америки и Израиля. Современные поэты и прозаики говорят с читателем на языке сердца... «Моцарт в метро» — пятый по счёту альманах в этой серии. Дорогой читатель, поделись своим мнением либо на сайте РИДЕРО, либо по электронной почте.

ISBN 978-5-44-939468-2

© Помысова Т. Е.
© Издательские решения

Содержание

Моцарт в метро	6
«Пускай не гением – с талантом...»	7
Михаил Просперо	8
Прекрасное красное от Сальери	8
Татьяна Помысова	11
Вот так и Феникс	11
Долго ли?	12
Вжаться	13
Прогулка по голосу	14
Луны сияющая долька	15
Осеннюю листва непогоду	16
Осенняя трава	17
Осенней ночью	18
Невероятные красоты	19
Летят года	20
Разве можно жить без синяков?	21
Совет стервы	22
Штиль	23
Минск	24
Мечтаю	25
Дотянись	26
Волга	27
Подарок Сыsole	28
Хранитель Пчёл	29
Новогодний подарок	30
Дмитрий Степанович, Виктор Жижилин, Екатерина Брайловская-Оранская	31
Какие они теперь	31
Акт 1	32
Акт 2	36
План пьесы	49
Ольга Колесникова	51
Тот день	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Моцарт в метро

Альманах

Редактор Татьяна Евгеньевна Помысова

Иллюстратор Марина Фёдоровна Сорокина

© Марина Фёдоровна Сорокина, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-9468-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Гений и злодейство – две вещи несовместные»

А.С.Пушкин

Моцарт в метро

Играет девочка в метро.
Стоит, глаза закрыв...
Плывёт под сводом потолка
Изысканный мотив.
– Кому играешь ты, скажи?
Ведь ты – совсем одна...
Вокруг тебя – нет ни души,
Ты так увлечена?
Спросить я так и не решусь,
А Моцарта – пою,
По волнам музыки качусь,
И всё стою, стою...
Играет девочка в метро
Творит, глаза закрыв,
Изящно отведя бедро,
Из арии мотив.

Татьяна Помысова

«Пускай не гением – с талантом...»

Пускай не гением – с талантом
Явился ты на белый свет;
Перед создателем-гигантом
Придётся выдержать ответ.

Талант дорогой зла не ходит.
А если ходит – не талант.
В нём мир осмысленность находит.
Он, словно питерский атлант,

Не даст провиснуть небосводу,
Обрушить свет людских надежд.
Хранит во всякую погоду
От бед, сомнений и... невежд.

Стелла Синякова

Михаил Просперо

Прекрасное красное от Сальери

...Сальери уверен в том, что мудрая трава не боится волков, ведь волки не едят траву. Волки – это хорошо, это овец меньше. Эволюция овец ведёт к полной победе красного песка на засеянной вселенской площади.

И мир становится слишком прекрасным, превосходно красным, краснее вечернего огня. Сухой, красный мир. Сухо в горле. Скрипят слова в горле, как канифоль на скрипичном смычке.

Горько, Моцарт!

Давай выпьем горькую чару очарования мудрости, ты ведь хочешь стать свободным, пленник гения?

Осень.

Оземь одно слово упало, облако подняло, лично-человечное, Пыли из были, из далёких времен бывших близкими очень недавно.

Так уже унесённое жизнью на секунду становится явным. Так сгоревшая рукопись кажется теплой в случайно открытой печи.

А мне просто мама сегодня позвонила и молчит

И я ответить не мог

Хоть я и знаю, что она хотела сказать одним этим словом «сын»

Можно без слов понять человека, которого знаешь полвека

И она знает, о чём я молчу, ведь я её сын

Осень. Очень одиноко спешат часы

...что я здесь делаю?

Горький вкус холодной водки «Моцарт»... – О, нет! – какая несправедливость! Неужели этот напиток победившей мудрости не должно было назвать «Сальери»?

Хотя бы этот знак признания законному соавтору вечного сюжета, медленно эволюционирующего от Авеля. Вакцинация от Каина.

Говорят – наша эра так и называется – Кайнозой. Кайнозойская эра – последняя, из известных на сегодняшний день.

Случайно ли учёные системного подхода, стерильные аналитики типа Сальери, именно так называют период жизни на Земле, который начался 67 млн. лет назад и продолжается до сих пор?

«...и что я здесь делаю?»

Под красным небом безводной Невады собираю неводом проклятия прокажённого мира. Зачем-то по-детски пытаюсь грозить ему приближающейся грозой, зачем? Мир усмехнется, мир знает, что мои грёзы – это тонкие и ласковые грозы, маленькие фиалковые молнии....

Молния может ли молча иголкой небо прошить?

или, как слово за взором, попросит раскаты грома?
А страшно даже не то, что дождь на земле не умеет жить
а то, что рожь без дождя – пустая солома
Что я здесь делаю, под ночным сухим дождём, под точечными
ударами космической пыли?

Точность отточенных долгим полетом стрел Андромеды
безупречна. Мой мир стал слабокрасным, как будто вечерняя
заря нехотя уступила фиолетовому флагу наступающего ночного
космоса.

Сальери ушел, оставив на столе недопитую улику, огромную
каплю водочной мудрости в стеклянном графине. Улика
медленной стеклянной улиткой поползла на скрижали вечной
памяти.

...Моцарт, еще смеясь, снова над партитурой.

Реквием – тоже танец, и панихиды регламент в чем-то сродни
котильону, только цветов бумажных больше чем настоящих.

И еще – центр танцоров точно не лицемерит, ибо он видит точку,
где источник всех музык.

– Моцарт! ты тоже видишь?

«Ты – хрупкие песочные часы
С толчёной пылью золотого цвета.
Вопросов нет к тебе, благая Лета!
...И вьётся прядь песчаной полосы...
Ты – мельница. Ты можешь размолоть
В муку – любые тяготы-заботы!
Не ведаешь, быть может, одного ты:
За сласть – томление почитает плоть!
Ты – рябь, которою к воде речной
Заманит души чуткая природа!
И мы летим... Но там – твоя свобода,
Понятная твоей душе одной.»
(Татьяна Помысова)

Ты – точные песочные часы
С толчёной пылью золотого лета
С морской волной под парусом рассвета
Среди алмазов утренней росы
Ты – кастаньеты Арагонской хоты
Священный ритм томления словами
Опять на «Вы»? Иду на Вы, за вами —
За мельницею страсти Дон Кихота

Я – ветер, потерявший в понедельник
Твоей свободы телефон и адрес
Забывший контур очертаний, абрис
Покрытый белой пылью старый мельник
Ты – мельница. Ты можешь размолоть.
Но поздно убегать, не спас Господь...

Татьяна Помысова

Вот так и Феникс

Лавина музыки накрывает меня, ложится мне на плечи
мягкими лапами. Заставляет закрыть глаза и закинуть голову,
выгнуть спину и застыть. Пока звучит музыка от камертона
губного до нахлынувшей резко тишины...
Снова и снова, и уже невыносимо терпеть...
И опять резкая тишина, по мановению руки дирижёра.
А он, как настоящий Маг, делает это без волшебной палочки.
Его музыка творится только голосами и поднимается
над мной пульсирующим шатром, из которого выход —
только вверх, в это узкое горлышко.
Свиться в канат вместе с ними, с ним и распасться, когда
резко наступит тишина.
Вот так и Феникс...

Долго ли?

«Лодочки жёлтых лилий осколками солнца в пруду. Очень ли долго
ждать, пока снова тебя найду в белом Божьем Саду?»

Михаил Просперо

Долго ли ждать лепестков асфodelи белой
Знает лишь тот, кто этот мир сделал.
Встречи разлуки наши пунктирной строкой
В том бесконечном свитке, писанном твёрдой рукой.
Сыну предписано мать с отцом чтить и любить.
Если закончилась жизнь – порвалась ли нить?

Вжаться

Вжаться в тебя. Вдавиться.
Грудью, лицом, животом.
В крепком объятии слиться,
Думать о прочем – потом.
Всё на потом оставляем,
Даже желание спать.
Запах друг – друга вдыхаем.
Пробую руки разжать.
И от тебя отстраниться.
Вышло. Ура! Разошлись.
Лучше сегодня проститься.
Встретимся завтра.
Не злись.

Прогулка по голосу

По первым звукам слышать настроение
И чувствовать биение души
Учитесь. Пригодится несомненно вам,
как чистый лист, перо, карандаши.
Сумейте боль почувствовать во взгляде
И радость распознать из под ресниц.
Согрейтесь солнцем жарким в винограде.
Пшеницей покормите стайку птиц...
И радуга заполонит вас светом,
Подобно зрелому колосу,
Гудок. Не спешите с ответом...
Губами пожданному голосу...

Луны сияющая долька

Луны сияющая долька
Отрежет лето от меня.
Не больно в осени нисколько,
Лишь дождик сыплется звеня,
Жару с ветвей с листвой смывая
И суть нагую обнажая.
Любовью осень открываем
И яблоки с ветвей срываем...

Осеннюю листая непогоду

Осеннюю листая непогоду,
Я вспоминаю сладостное лето...
Увы, оно укрылось нам в угоду
В туманах и росе. Всё было спето —
Романсы, марши. Горькое «прости»
ни разу не звучало в ритмах этих.
Господь простит, а ты – меня спаси.
На этой тёплой и живой планете.

Осенняя трава

А за зимой – весенняя капель,
Тепла и солнца ждем мы от погоды
Всего сто дней и мы услышим трель
Весенних птах, по правилам природы.
Унынию не стоит предаваться,
Ведь мы природе – прелая трава,
В которой не захочется валяться,
Когда она подмерзла и мертва

Осенней ночью

Осенней ночью слёзы
другие, чем весной.
И розы – хризантемы,
не с запахом мимоз.
Но всё-таки придётся,
ей к нам прийти опять.
Весна вот-вот начнётся.
Я начинаю ждать!

Невероятье красоты

Невероятье красоты
Свои раскрыло мне объятья.
И я лечу, я с ним на ТЫ!
По ветру волосы и платье.
Меня несёт ночной автобус.
Увозит в завтра из вчера.
Листаю видов пёстрый глобус,
Полей, лесов и рек сестра.

Летят года

Летят года стремительно, как птицы,
Морщинками раскрашивая лица.
Чем больше их, тем наша жизнь богаче,
Танцуем и приветствуем удачу.
Работа и учёба, дети, дом.
Всё это между прочим. «На потом»
откладываем часто, забывая,
что наша жизнь короткая такая.
А с возрастом она нам слаще стала.
И жизнь любить душа не перестала.
Нежнее греет на закате солнце.
Любовью заливая все оконца.
Вот так и мы добрее, и светлее
стремимся стать.
И хоть чуть-чуть мудрее.

Разве можно жить без синяков?

А разве можно жить без синяков,
Без этой боли ежедневной.
Когда твой пик повыше облаков.
И дух живёт твой не в одной Вселенной.
А без преодоления можно жить?
Без боли в сердце, если всё не так.
Наверно можно, но не жить, а стыть
И день любой – оброненный пятак...

Совет стервы

Бросанье трубок, шварканье дверями..
Опять я что-то главное забыла,
Расслабилась, втянулась, упустила,
А глаз да глаз, ведь, нужен был за вами.

Включаю стерву, где она там спит?
Мужчина мой любимый разошёлся:
Не пишет, не встречает, не звонит,
А может быть он с кем-нибудь сошёлся?

И стервочка спешит на помощь мне:
«Пропал – и ты пошли его подальше,
Уйди из дома, свет оставь в окне,
И не спеши, гуляй на все, без фальши!

Себя побалуй тем, чего так ждёшь,
Будь тортик то, или другой мужчина.
Но лучшее. Ведь раз всего живёшь.
И обойдись, прошу, без бесовщины!»

Штиль

Легко другим давать советы —
По ним я не умею жить...
Как объяснить, найти ответы,
Когда нет времени любить?
Работа всё желанье съела,
И времени нет у него,
На первом месте – только дело,
Да не ропщу я, для чего?
Пишу ведь о себе, приватно
И мне не стать уже другой,
Эмоций – море, хоть накладно,
Характер – в меру деловой.
Когда все страсти угасают
И есть давно уже семья,
Мужья о жёнах забывают.
Понятна многим мысль моя...
А мне вот с этим – не смириться,
Махнуть, списать себя в утиль?
Домохозяйкою остаться,
Кому он нужен этот штиль?

Минск

Минск, туманный, как Альбион.
С серебристыми звёздами, птицами.
Спит в ладонях мужских крепких он.
Этот сон будет долго мне сниться.

Мечтаю

Мечтаю снова отдохнуть в Крыму,
Такое вот несложное желанье.
Мне кажется, лишь в море я пойму,
и смысл слов, и таинство касаний.
В горах проверю крыльев чистоту,
Хоть белизной горят, в свету играя,
Рванусь вперед, теряя высоту,
В полёте равновесье обретая.
И лёгкие свои там разверну,
Наполнюсь ароматом кипарисов,
С улыбкой детской на траве усну,
Под ветерком, что ласками неистов.

Нанижу на штык все что было ДО.
До утра, до этой самой минуты...
Всё прошедшее – словно сон в ведро,
Канет в лету. Но кто мы? Но кто ты?

Дотянись

Дотянись до облака над собой
И вздохни запахнутой грудью!
Всё прекрасное будет с тобой,
Чашка кофе, вишнёвый штрудель.
Бред с твоих не услышится уст,
Знаешь точно, что он неуместен.
Все пустые слова опускают в грусть,
Нам же хочется новых песен!

Волга

Разлеглась, как женщина, Волга!
Красотою своей пленяя,
Невозможно не смотреть долго,
Взглядом тело реки обнимая.
Хороша в любую погоду.
И бурливая, и золотая,
Смотрит солнце в неё, ей в угоду,
Красоту её утверждая.
Омывает закатами небо,
А восходами лечит душу.
Дорогая моя, молодая!
Разливайся в крови моей пуншем!

Подарок Сыsole

Красивый перстенёк был у Тани. Тёмно-зелёный плоский овальный камень, вправленный в серебро. Купила Таня его по случаю в индийской лавке, очень большой оказался, слетал со всех пальцев. Таня и забыла про него. Пролежал перстенок пару десятков лет в шкатулке с другими женскими штучками: серьгами, кольцами, браслетами, которые уже разонравились хозяйке или стали малы.

Тут Таню пригласили на свадьбу и она решила к зелёному платью надеть давно забытый перстенёк. А он обнял её пальчик крепко, как нужно. Так, что ей уже не захотелось расставаться с ним. Отшумела свадьба и Таня отправилась в путешествие. Колечко отправилось с хозяйкой. Зелёный камень загадочно мерцал на её пальце, казалось, он прописался там навечно оберегом.

Была у Тани одна особенность, любила она плавать во всех встречных и поперечных речках, которые попадались им по пути следования. А ехали они с мужем в далёкий северный городок Сыктывкар, на родину мужа. Плавала Таня в Волге, в Сухоне, что в Великом Устюге. Перстенёк тоже. Течение быстрое, Сухона уносила Таню далеко по течению и Таня смеялась, и боролась с молочно-серебристой шаловливой рекой. Радости – через край!

Сыsole, речка, протекающая в Сыктывкаре, оказалась другой по характеру, отличной от своей белокурой добродушной сестрицы Сухоны.

Сыsole – рыжая, коварная, с илистым неровным дном, Тане приходилось сопротивляться и грести изо всех сил, чтобы просто удержаться на одном месте. Удавалось через раз. В общем, радовало, что недалеко от берега, на воде дежурили спасатели, в жару много горожан с детьми отдыхают на речке и спасателям всегда есть работа. Таня полюбила купания в Сыsole. Поединки с рекой доставляли ей удовольствие.

Вот и последний день отдыха. Прогноз обещали дождливый, но Таня поехала искупнуться и попрощаться с рыжей рекой. Янтарная Сыsole нахально вынула камень из Таниного кольца, на память, а Таня, увидев пустую оправку, рассмеялась и бросила кольцо в реку, сказав ей: «Носи с удовольствием, дорогая!»

Теперь Таниным оберегом стала целая река – Сыsole...

Хранитель Пчёл

Пчёлы путались и засыпали в его бороде и усах.

Нет, они не жалили его и не кусали. Они начинали гудеть все тише и тише, пока совсем не затихали. А он молча и лукаво улыбался и казалось, что пчёлка уснула на его языке. Такая маленькая и безобидная.

Усы и борода становились черными, пышными. И казалось, что они живут своей тайной жизнью.

Дети прибегали к нему частенько и для каждого была готова баночка особого мёда – Мёда от Хранителя Пчёл. И был этот мёд сказочно вкусным. И сны от него снились волшебные. В этих снах пчёлки превращались в снежинки, а сам Хранитель превращался в Деда Мороза.

Его борода становилась серебристой, а за спиной вырастал мешок с подарками...

Новогодний подарок

«Да не бывает чудес, ты же сама всё знаешь, уже такая взрослая девочка,» – говорила Томе Лиза.

«Он хороший психолог, ты прекрасно проведешь с ним время, пока не появится на горизонте кто-то подходящий. А Геннадий поможет тебе повысить самооценку. Просто подружись с ним.»

Тома, шла на встречу, желая задать несколько вопросов о чудесах. Ей регулярно приходили на почту письма от ворожей, магов, магистров и прочих ясновидящих. Она вконец запуталась и решила проконсультироваться у тех, кто сможет дать ей ответ.

Лиза пригласила Тому убить сразу двух зайцев: хотела познакомить Тому со своим женихом, чтобы узнать её мнение о нём, и познакомить Тому с Геннадием, чтобы вытащить её из замкнутого круга бесперспективных отношений.

Лизин друг оказался очень интересным собеседником, но Тома, при всей своей любви к фанатикам, не долюбливала религиозного фанатизма, и откровенного проповедничанья. У неё свои интимные отношения с Богом и вряд ли они нуждаются в обсуждении. Лиза и не пыталась, но её друг... Тома для себя определила, что он не в её вкусе. И порадовалась за Лизу, так как она была увлечена и её глаза горели счастьем. Геннадий – высокий, широкоплечий, бритоголовый мужчина с удивительно бледным лицом и пронизательными глазами произвел на Тому двойственное впечатление. Когда она садилась за стол, напротив него, ей на долю секунды увиделся католический священник, седой, с белым воротничком и в тёмном платье... Во время разговора в компании, Томе казалось, что напротив неё сидит донской казак, с глазами Деда Щукаря. Такие симпатичные морщинки и такие замечательные хитринки вылетали из его глаз. Такие же замечательные, как и его суждения. Когда они остались вдвоём, а это произошло довольно быстро, так как Лиза и Фёдор быстро убежали по делам, Тома захотела вернуться к разговору о волшебстве. Ей ведь очень хотелось стать настоящей Волшебницей. А Геннадий, кажется, мог ответить на её вопросы, как это сделать.

Их разговор растянулся на много много дней. Но не ночей... Даже отправив её домой на метро, или такси, он уезжал. Длинные ночные разговоры, прогулки, встречи... Тома могла тысячу раз утонуть в нём, но не так то просто было это сделать. Он ей не давал. Женские штучки – кокетство и прочее – радовали и забавляли его, капризы – расстраивали. Но он был рядом. Он был и рядом с ней, и в её голове. В мыслях. Тома перестала бояться себя и своих поступков. Своей «плохости», потому что он видел её даже когда она была не с ним. Тома ужасалась и говорила, ну и что, что же ты видел???

– Да ничего. И улыбался. – Так, лёгкая эротика...

И так от встречи к встрече. Они гуляли, говорили, обнимались крепко, расставаясь. Даже массаж ей делал. Мануальный. Это когда знаешь, что сейчас встряхнут и сдавят больно, но надо расслабиться... Вдох, выдох...Аааа!!!

Новогодняя Москва, огни, гирлянды... Дед Мороз ходит без шапки и перчаток...

Тома пошла и купила ему шапку и перчатки, хоть он и не мёрзнет. Должны же и Деды Морозы получать подарки.

Тем более, настоящие...

Дмитрий Степанович, Виктор Жижилин, Екатерина Брайловская-Оранская

Какие они теперь

Пьеса

Действующие лица:

Альбер (*молодой барон*)
Филипп (*старый барон*)
Вальсингам (*дворянин, друг Альбера*)
Мэри (*молодая шотландка*)
Луиза (*её подруга*)
Соломон (*ростовщик, еврей*)
Священник
Хайландер (*певец на пиру*)
Слуга
Хор гостей за пиршественным столом
Танцор и Танцовщица на пиру

Акт 1

Картина 1

(ветхий замок, бедная обстановка; входит Альбер)

Альбер:

Творец! Зачем дал титул мне Ты?
Гордыню в душу мне вложил,
Чтобы меж рыцарей я жил.
Но здесь оставил без монеты.
Я, на турнирах побеждая,
Скрывал плащом убогость лат.
Но на самом плаще заплат
Не скроет доблесть молодая!
Вон нищий подаянье просит,
И не сдает стыд его!
Он просто счастлив оттого,
Что кто-то грошик в шляпу бросит.
Вот мой отец – богаче Креза!
Что ж я не смею попросить?
Как мне мой стыд переносить?
Ведь я совсем не из железа!

(входит слуга)

Слуга:

Мой господин, к вам гость стучится
Ваш кредитор, жид Соломон.

Альбер:

О, пусть немедля входит он!
Его кошель нам пригодится.

Слуга:

Но вы и так ему должны,
И нет надежды расквитаться.

Альбер:

Да! Честно надобно признаться:
Мы словно нищие бедны!

(входит Соломон)

Соломон:

Сеньор! Мое почтение Вам!
Я здесь, чтоб получить по счету.

Альбер:

По счету? Нет, иди ты к чёрту!
Я ничего тебе не дам.
Ты знаешь, беден я как мышь,

В твоих деньгах нуждаюсь снова.

Соломон:

О, нет! Не будьте столь суровы!

Любой в Европе нувориш

Вам позавидует стократ, —

Отец ваш сказочно богат.

Альбер:

Конечно, так! Но это злато

Лежит без дела в сундуках.

Отец как раб в его руках.

Ни сына для него, ни брата...

Но я ведь – у отца наследник,

И долг смогу тебе вернуть.

Соломон:

Не сомневаюсь я ничуть,

Но сколько ждать и слушать бредни?

Цвёл юноша вечор, но – ах! —

Его на сморщенных руках

Родные старые несут,

В могилу свежую кладут!

А можно ведь помочь папаше

Покинуть этот жалкий свет.

Жил старичок – и вот уж нет.

И все богатство стало ваше.

Есть лекарь..., капли составляет.

Так чудно действуют они:

Ни запаха, ни вкуса, ни...

Больной без боли... – умирает.

Альбер:

Ты смеешь мне, змеи отродье,

Отцеубийство предложить?

Ступай отсюда, вранья съть,

Пока тебя не сдал пороть я.

Я за себя уж не ручаюсь.

Соломон:

Шучу, простите, удаляюсь

(убегает)

Альбер:

Собаку на него спустите!

...Но что ж? Без денег мне – беда!

Ужели мне вернуть жида?..

Нет, лучше в гроб меня кладите.

(уходит)

Картина 2

(Замок Филиппа, подвал с сундуками, входит Филипп)

Филипп:

Сегодня был удачный вечер,
Шестой наполню я сундук,
Перебирая: чем, мой друг, —
Мой каждый золотой, — отмечен!
Здесь у меня дублон старинный
Его мне принесла вдова!
Пришла с детьми, держась едва,
Просить отсрочки воем длинным.
Ей мужнин долг грозил тюрьмой,
Я с ними строг! Теперь он мой.
Вот золотой Тибо — он мрачен.
Бездельник, где же взять ему,
Украл богатую суму!
Убил кого-то, не иначе
О, сколько слёз, надежд разбитых
Со златом я в сундук вложу!
Я от волнения дрожу
Бродя средь сундуков раскрытых.
Со мной здесь всё: величье, сила!
Я царствую! Но Боже мой,
Настанет час. И кто ж за мной,
Когда возьмёт меня могила?
Мой сын — молодой гуляка! Праздный!
Его девиз: «Всё расточи!»
Ах, как бы мне и там, в ночи
За гробом править им заглазно....

(входит Альбер)

Альбер:

Отец!

Опять у ног я ваших,
Как мышь подпольная, ваш сын.
Спасите, я же дворянин.
Без средств мой жребий будет страшен.

Филипп:

Уйди навек!

В тебе — проклятье.
Моей ты жаждешь головы.

Альбер:

Как сказочно спокойны Вы,
Что нищим должен погибать я!

(Альбер уходит)

Филипп:

Ну, вот, избавился от сына
Но что-то слабость в теле, боль...
На помощь...!!

Слуга:

...Сэр, донёс контроль...

Чума идёт к нам, как лавина!..

Вдова, что принесла Вам злато,

Скончалась, с долгом дав чуму.

Филипп:

Вот! Божий суд! *Но почему?..*

О, нет, мечталось мне когда-то...

(умирает)

Акт 2

(Улица, пиришественный стол, вокруг гости, рядом же стоит и закрытый сундук, поет хор гостей)

Хор гостей:

Мы все потеряли друзей и родных,
И в страхе мы сходим с ума.
Наш дом обезлюдел, наш город затих,
Нас сотнями косит чума.
Мы жмёмся друг к другу, как в стаде овец,
Мы ждём утешенья в толпе.
О, кто же отменит тот страшный конец?!
Успе... Успе... Успе... Ту песню последнюю спе...

Вальсингам:

Друзья!
Я вас за этот стол собраться
Просил сейчас, да скрасим наш удел.
Довольны ль Вы?

Альбер:

Иных и нет мне дел,
Как буйному веселью предаваться.
Чума меня богатством наградила
Всё то, о чём мечтал, я получил.
Но жаль отца, но белый свет не мил,
Как будто впереди одна могила!
Что так? Кто скажет?

Луиза:

Время есть у нас,
Чтоб песню спеть или пуститься в пляс.
А может и любовью насладиться.
Печали – прочь, нам надо торопиться.
(бешено танцует)

Альбер:

Прости, Луиза, не идёт веселье...
Ещё сильно отчаянья похмелье!
Друг Вальсингам, что ум твой говорит?
Ты всех нас и бесстрашней и мудрее,
Что делать нам – поведай же скорее!
На чём душа над страхом воспарит?

Вальсингам:

Тебе отвечу я, но прежде – Мэри
Старинную балладу пропоёт.
Нельзя душе отправиться в полёт,
Пока не жаждет дотянуться двери!

Мэри:

Было время, процветала
В мире наша сторона;
В воскресение бывала
Церковь божия полна;
Наших деток в шумной школе
Раздавались голоса,
И сверкали в светлом поле
Серп и быстрая коса.
Ныне церковь опустела;
Школа глухо заперта;
Нива праздно перезрела;
Роща тёмная пуста;
И селенье, как жилище
Погорелое, стоит, —
Тихо всё. Одно кладбище
Не пустеет, не молчит.
Поминутно мёртвых несут,
И стенания живых
Боязливо бога просят
Упокоить души их.
Поминутно места надо,
И могилы меж собой,
Как испуганное стадо,
Жмутся тесной чередой.
Если ранняя могила
Суждена моей весне —
Ты, кого я так любила,
Чья любовь отрада мне, —
Я молю: не приближайся
К телу Дженни ты своей,
Уст умерших не касайся,
Следуй издали за ней.
И потом оставь селенье,
Уходи куда—нибудь,
Где б ты мог души мученье
Усладить и отдохнуть.
И когда зараза минет,
Посети мой бедный прах;
А Эдмонда не покинет
Дженни даже в небесах.

Вальсингам:

Благодарю!
За жалобною песней
От Мэри – вот, послушайте теперь
Другую, – как чума стучится в дверь!
Я сочинял её в камерке тесной,
Когда похоронил и мать, и деву...
Итак. Внимайте ж дикому напеву.

(Тихо входит Священник.)

Когда могущая Зима,
Как бодрый вождь, ведёт сама
На нас косматые дружины
Своих морозов и снегов, —
Навстречу ей трещат каминь,
И весел зимний жар пиров.
Царица, грозная Чума
Теперь идёт на нас сама
И льстится жатвою богатой;
И к нам в окошко день и ночь
Стучит могильною лопатой.
Что делать нам? И чем помочь?
Как от проказницы Зимы,
Запрёмся также от Чумы,
Зажжём огни, нальём бокалы,
Утопим весело умы
И заварив пиры да балы,
Восславим царствие Чумы.
Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане
И в дуновении Чумы.
Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог,
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог.
Итак, — хвала тебе, Чума,
Нам не страшна могилы тьма,
Нас не смутит твое призванье.
Бокалы пеним дружно мы,
И девы-розы пьем дыханье, —
Быть может... полное Чумы.

Священник:

Несчастные, погубленные души
Бежать вы тщитесь Божия суда,
Но ад вы не избегнете, когда
Глаза зальёте и заткнёте уши.

Вальсингам:

Отец! Отец! Чем плохо мне в аду,
Коль я *тебя* там больше не найду?!
(Общий хохот.)

Священник:

Опомнись! Сын мой!

Вальсингам:

Полно! Ты пугаешь,
Да разве сам не понимаешь,
Что страху есть черта? И мир,
Переступив её, устраивает пир?

Священник:

Тебе я гадок! Что ж, вы в чём-то правы
Перед лицом погибельной отравы!
Мы вскоре можем умереть,
И первым – я, пока ты будешь петь!

Вальсингам:

Ужели первым ты умрёшь, старик,
Чтоб оставался мой ослиный крик?
(Общий хохот.)

Нет. Ты упрям! Ты будешь душу пить,
И мне не превозмочь твою лихую прыть!
(Длительный общий хохот.)

Священник: (цитируя исконный текст Пушкина):

Матильды чистый дух тебя зовёт...

Вальсингам:

Сначала – мать!
Невеста – в свой черёд.
Я «гордым, вольным»
быть мечтал на прошлом пире...
Но, вижу, ты, отец, внимание отдал лире,
Коль на неё меня стараешься поймать!

Альбер:

Послушав этот спор, не страшно умирать!

Хор:

Мы скоро уже задыхаться начнём,
Нам страшно, но выхода нет.
И молится наша душа об одном:
Ещё один встретить рассвет!
О, солнце, о, небо, куда нам теперь?
И будет ли это «куда»?
Скрипит, отворяется чёрная дверь...
Созда!.. Созда!.. Созда!.. Да где же твоя благодать?..

Альбер:

Друзья! Друзья!
Я здесь глотнул свободы,
Какой не видывал все прежние годы!
По капле жизни радости пия,
Мы прежде были жадными. И я,
Пируя с вами здесь, дивлюсь немало:
Ушло стяжанье! Словно не бывало!
Ты прав, мой Председатель! Есть черта!
И даже золото пред ней – тщета!

Не унесёшь его за грань, по крайней мере!
Но взор Луизы, нежны песни Мэри,
И ты – уд`ержитесь во мне,
Как кажется, и на луне!
(Все молчат, Священник, первым выходя из оцепенения,
окидывает сидящих быстрым взглядом и, не находя, что
сказать Вальсингаму, поворачивается к Альберу и даже
делает шаг к нему).

Альбер

(останавливая его):

Святой отец! Ты судишь. Учишь. Прочишь.
В последний час, знать, подвига ты хочешь!
Возьми! На пир довольно нам. ПримЕнишь
Оставшееся злато так, как ценишь!

(общее волнение)

Что скажете, друзья!? Пускай берёт,
И милует кого-то в свой черёд!

Вальсингам:

Друзья! Не торопитесь! Неужели, —
Его сейчас прогоним в самом деле?
Как будешь избран, коль ещё не зван?!
Отец! К столу! Тут жареный фазан!
(Все ждут.)

Священник (пауза):

Но...

Вальсингам

(опуская глаза и подымая их после на Альбера):

Добрый юноша... изведав скорбь и стыд,
Всем сердцем радости открыт!
(Обводя взглядом собрание.)

Нас впечатляет это дерзновенье,
И, может быть, порыв его души
Благословит Святое Провиденье!
Да только денежки – *не хороши!*

Священник (громче):

Но!..

Вальсингам:

Да, отец! Почистить не мешало б
Те деньги от кровавых слёз и жалоб!
И если ты для этого пришёл,
Но не торопиться за наш «весёлый» стол,
Мы вправе усомниться,
Что сможем присоединиться!
А нам, любезный, проку нет,
Коль, у Творца ты вымолив спасенье
И мира нового затеяв устроенье,
Нам, падшим, не пошлешь сюда привет.
Эй, милые мне братцы и сестрицы!
Кто помнит, как это – молиться?

Альбер? Луиза? Мэри?..

Луиза:

Вальсингам!

Тебя я тоже не забуду – *там!*

Голоса из хора

(повторы, возможно, вплоть до фуги на эти слова):

ПоддЕржим новое лихое развлечение!

Повеселим летящее мгновенье!

(Смех.)

Священник (в сторону):

Молитва им – утеха! Правит плоть!

Да что ж это за оргия, Господь?!

Альбер:

Отец сказал, что сердцу м`илы

Стенанья на краю могилы!

А для нас,

Хор:

А для нас —

Вместе:

Всё ж милей весёлый пляс!

Луиза:

Я тоже плакала сначала,

Но в плаче нет того *накала!*...

Хор:

Только смех, только смех

Оживить сумеет всех!

Мэри:

Когда я плакала во ржи,

Мой милый мне сказал: «Держи!»

Хор:

Это рожь! Это рожь!

Где сладка бывает дрожь!

Вальсингам:

Друзья! Пойдёмте к золоту скорей,

Пока не слышим мы учительных речей!

(Общий радостный хохот.)

Творец! Ты видишь нас! Мы грязны!

Мы в высшей степени заражны!

И наши денежки, как мы,

Полны чумы!

Не ради нас, а ближних ради

Очисти денежки от гади!

И им позволь от нас уйти

В чест`и!

Голоса из хора:

В чест`и!

Вальсингам:

Восторжествует, ради бреда,

Не для меня моя победа

Над душу душащим узлом!

Над злом!

И будут древа, будут нивы

Так упоительно красивы!

И гимны сладкие весны —

Везде слышны!

Хор:

О, Вы, кто лишь песню о нас пропоёт

В далёкой и чистой стране!

Пусть дом Ваш стоит! Пусть сад Ваш цветёт

Пусть сердце поверит весне!

Мы люди, хоть нам это сложно понять,

Всё время пред кем-то дрожа!

...И, не состоявшись, должны умирать...

О, сжа!.. О, сжа!.. О, сжа!..

Не надо нас так обижа!..

Священник:

Не множьте за безумием безумье!

Не расточайте же остатки сил,

Являя бушевание самумье

Пред сонмом неоплаканных могил!

Сейчас Вам это ничего не значит!

Но вас – кто похоронит, кто оплачет!?

Чем Бог неблагодарных одарит!?

Голоса из хора:

Он мастерски о божестве говорит!

Вальсингам:

Довольно, отче! Нечем мне хотеть,

Чтоб кто-то смог мой прах гнилой отпеть!

Не ты ли мне пустыню сделал в сердце?

Иди ж теперь к другой стучаться дверце!

Мы душу вылили на твой металл.

Как прежде, я тебя не проклиная.

И волю напоследок изъясляю:

Чтоб ты меня – не отпевал!

Священник

(потрясённый, а parte.

Лучше бы свет со стола сейчас снять,

а осветить только Священника):

...Звучал орган в старинной церкви нашей,

Как-будто, Сам Спаситель говорил

С Создателем пред Мировою Чашей...

Но музыканта взгляд меня давил

Какой-то чёрною тоскою.

И вот я вновь увиделся с такою.

Я помню (в грёзе окаянской)

Себя, в одежде итальянской,

И музыканта... Я хвалил,

А после, в страхе, отравил...

(свет возвращается на стол в равной мере со Священником)

Альбер

(напевает под гитару известную песню Моцарта,
В течение его пения Вальсингам и Луиза сидят,
одинаково потупившись):

Прощай, моя Луиза!
Прощай, моя родная!
За что тебя я бросил,
И сам я не пойму!

(далее мотив уже не Моцарта, а вроде бардов XX века)

Наверно, просто суждено

Влюбиться мне в чуму!

(общий хохот)

Вальсингам:

Отец! Довольно разговоров!

Мы не в сени твоих притворов!

Собрание наше не студи!

Бери сундук и уходи!

Священник

(делает движение забрать сундук, примеряется
к вероятной телеге за кулисами, открывает):

Господь! Ты удивляешь ныне!

Вот эти чада праха, *здесь* (!)

Тебя не `имут и в помине,

Ан могут пить! Ан могут есть!

Горланить песни бесовские,

Кривляться!.. И потом... *потом*!..

Дарить червонцы золотые!

И зачумлённым языком

О них по-своему молиться!..

А взяли мало... словно птицы!

Склюют два зёрнышка и в быль!

Лишь искрами взовьётся пыль!..

Не тронули и сотой доли!

Да можно ли дивиться боле!

А я... невольно сердце тает...

Ах! Как то золото блистает!

Молчи, мой помысел шальной!

Я сотворю обряд святой,

Как подобает, чисто, строго!

И разделю во славу Бога!

(**Священник** начинает тихо молиться, осенив себя крестом.

Участники Пира меж тем засыпают за столом в разных

позах. Через некоторое время и, видимо, после некоторых
должных слов **Священник** крестит сундук. И вдруг, сундук
САМ раскрывается шире, и из него под звуки волшебной
Музыки выскакивают прекрасные **Танцор** и **Танцовщица**.
и был их танец подобен птичьему полёту. Плавно,
не изображая никаких «действий реакций пробуждения»,
к танцующим присоединяются несколько гостей из-за стола.)

Вальсингам

(также без демонстрации, проснулся или нет,
открывает глаза, если не заснул с открытыми, и смотрит
на изначальную пару):

Я Чарльза с Юлией в них узнаю!
Их семьи ссорились. Явился он средь бала
Просить руки. И чтоб вражда престала!
Отец её проклял его семью!

Луиза (столь же плавно перейдя в бодрое состояние):

Они сбежали, приняли настой,
Оплаканные каждою семьёй,
Во склепе порознь пробудились,
Но на самоубийство не решились...

Подруга

(взгляд на Мэри, та потупилась)
Видела нарядный танец их
На самой свадьбе... Вдруг, упал жених,
За ним невеста. Ах! Судьба жестока!
Подруга, во мгновенье ока
Всё разумею, – к окошку! На карниз!
«И с криком кинулась вниз!»
Ко мне явилась. Рассказала!

Мэри (внезапно):

Постойте! *Хайландера* я теперь узнала!
(Чуть в стороне от стола между танцующими
открылась сумрачная фигура)

Вальсингам:

А-а! Хайландер! Я слышал много раз!
Он также на пиру угас!

(Танцующие удаляются со сцены, отзвуки их
музыки плавно переходят во вступление к певцу.)

Хайландер:

Я считался героем, но слушали Вы
Гениальней, чем думали сами!
Я учился ласкать Вас стеблями травы,
Целовать золотыми лучами.

Вы ж сияли трудящимся в поте лицом
И навряд ли меня сознавали...
Но тихонько, *пред занятым кем-то дворцом,*
Вы про *рай в шалаше* напевали...

Хор (действительно тихо):

«Но тихонько,
Пред занятым кем-то дворцом
Вы про рай в шалаше напевали...»
Про такое забудешь едва ли...

Вальсингам:

Он будто мягче стал, – промытое серебро!

Альбер:

Да! Сгладился металл, усилилось перо!

Мэри:

Он продолжает песню! Тише!

Вальсингам и Альбер вместе:

Ах! Остановитесь, стрелки на часах!

Хайландер:

Но жаждою моей
Из мрачной мерзлоты
Я напылял на жилах упования
Не верности твоей
И не твоей мечты,
Но *практики любовного дыхания!*
Потому, что *из мрака пред нами встаёт*
розовёрстая юная Эос!
И за нею умчаться немедля в полёт
Важно, чтоб и могло, и хотелось!
Средь полей, истерзанных бедой,
Среди птиц, свои продавших крылья,
Будет *вдох, любовью полный, твой*
Новою дорогой *изобилья!*

Хор

(как и певец пред сим, более воодушевлённо):

«Будет вдох, любовью полный, твой
Новою дорогой Изобилья!»
Пой ещё! Целитель сердца, пой!..

(Во время первого эпизода певца декорация может представлять картину дворца и шалаша, при втором эпизоде – мифическую Афродиту, выходящую из пены морской, на отзвуке последнего хорового возгласа появляется группа школьников, пробегающая из кулисы в кулису за игрой «в салочки» с возможным смехом. Пока всеобщее внимание уделяется им, певец Хайландер исчезает.)

Альбер:

Как дивен этот детский рой!
ОН несколько *занёс нам песен райских*
И ангелов привёл ещё с собой!

Луиза:

Эй вы! Довольно ваших слов зазнайских!
Глядите-ка! С шипеньем, на глазах
Цветок лазурный землю раздвигает
И юною головкою кивает!
За ним уж розовый! Златой! Мы все в цветах!

Священник:

Что происходит, Творец?
Или в глазах – рябит?
Прямо с небес – бес
Душу смущает, мутит!
Прочь, нечестивый! Выдь!
Не искушай меня
Вслед за собой – выть,
Самый уж свет – кляня!

Вальсингам:

Отец, ты здесь ещё? Что происходит с нами?
Мы живы или умерли? Скажи!
Здесь рай или ад? Покрылся дол цветами,
Дворцов и новых школ сияют миражи!
Я чувствую в себе невиданные силы!
И мысли новые, и песни рвутся ввысь,
А в чаше – не вино, в ней жидкие бериллы!
Приди, отец, коснись!
(все замерли)

Священник:

Как летят и летят журавли,
Со звезды на звезду прилетая.
Им далёко лететь до земли,
И конца небу нету и края...
Но сегодня, как в сказке, они
На крыльцо, заплутав, приземлились.
Ты же спи, моя радость, усни,
Чтоб тебе журавли те приснились.
Пусть тебя журавли унесут
В дали дальние, райские раи:
Там царит и покой, и уют,
Жить там будешь, резвясь и играя.
Не шумите же, вы, журавли,
Да не хлопайте громко крылами,
Вы же чадо Моё берегли,
Пусть во сне налетается с вами.
Журавли в тот невиданный край
Каждой ночью с Тобой улетают...
Спи же, радость Моя, засыпай,
Ведь совсем уже скоро светает.
(Общее потрясённое молчание.)

Священник:

Как мне внутри и пусто, и легко...
Как будто, разум был мне наказаньем...
Вся жизнь была суровым воздержаньем,
И вдруг – во рту парное молоко!

Вальсингам

(вставая и предлагая своё место Священнику):

Отец! Ты бледен. Хочешь ли присесть?

Священник:

А там и – пить... а там и – есть?
(В зал.) На месте веры обнажил мне муку,
Меня постигнув,
(кивок в сторону Вальсингама)
Добрый человек!
Иду в мой путь. Бегу в мой скорбный бег!
И в сердце крик:
(Вальсингаму.) Пусти!
(В зал.) *Пусти мне руку!*
(убегает), (тишина)

Вальсингам (Альберу):

Генезис яр! Куда пойдём
По Розе Мироздания дале?

Альбер:

Тропою жёсткой. Лепестком,
Где смрадной вьюги завывали!

Луиза:

О, Вальсингам! Я посвечу
Отсюда вам через валежник,
Но перешлите мне подснежник!
С ним побеседовать хочу.

Мэри:

Альбер! Наш добрый талисман!
Ты насыщаешь, будто ладан,
Слепую глушь полных стран...
Ты угасаешь, неразгадан,
И вновь идёшь... Вдруг, ты поймёшь
По пульсу Розы Просветлённой,
Что и *своею*, удивлённой,
Зарёю *просияешь*, всё ж!

Альбер:

А! Мэри! Значит, я вернусь,
Коли и я теперь *постигнут*!
Тебе *мой дом* желанен? – *пусть*!
Но прежде – Мост!
Да будет выгнут!

Вальсингам (с хором):

О, сколько нам открытий чудных

Готовит Просвещения дух!
И опыт, сын ошибок трудных!
И гений, парадоксов друг!
И случай, бог-изобретатель!..
И, не прогневайтесь, друзья,
...ещё одно прибавлю я:
Благодарим Тебя, Создатель!
Нам будет множество дорог,
Неповторимых, тривиальных,
За ними – Стол Пиров Вакхальных,
Иль запечатанный Порог!
Кто знает, как прольются *сквозь* —
Мои вещания на долы...
Друзья! Мы люди! Мы – глаголы!
Мы вечно вместе! Вечно врозь!
Мы за столом – в режиме шуток...
От дел в минутном промежутке!
Кто нас решится трактовать,
Да почерпнут – что смогут дать!

План пьесы

Председатель задаёт священнику вопрос по делу: уверен ли святой отец в именно таком течении Божьего суда. Ведь они залили глаза и заткнули уши лишь от уныния, и сделали это разве не по словам Спасителя? Может ли святой отец сказать точно, кто из пирующих умрёт сейчас, кто следом, не подстерегает ли гибель и самого св. отца наравне с ними, разве мы не помогаем своими песнями отойти от горя и не ты ли первым останавливаешь нашу радость.

Священник: видит серьёзность в печали, а в радости – пустоту, и говорит об этом коротко и мягко, потому что верит в это искренне

Альбер: Он согласен с тем, что за столом – радость. Ему не доводилось до этих пор пировать столь приятно, не будет кичиться своим дворянством. Он удивлён, что св. отцу действительно совсем не понятно: какой глоток свободы, достоинства, чести он увидел за этим столом. Пред ним сундук с громадным количеством золота. Все предыдущие знакомые Альбера, увидев этот сундук вьяве, забыли бы про все болезни, про родство, про честь, про старость, ныряли бы и попробовали утянуть что-либо, но мы сидим за столом и слушаем золотые россыпи мудрости председателя, нежности Мери, страсти Луизы, дружеской преданности благородных юношей. Может быть св. отец лучше поймёт, если эти деньги будут предложены ему на серьёзные нужды церкви (далее выразить аккуратно). Быть может в деньгах св. отец обнаружит весомость, которую не находит в наших речах.

Председатель: Обращается к Альберу: добрый юноша, мы благодарим тебя вновь за обеспечение этого собрания и пира и, более того, именно присутствие св. отца наводит меня на мысль о том, как прекрасен этот пир именно во время чумы, и прекрасен порыв пригласить принять участие в нём св. отца в соответствии с понятием его. Воистину надо сказать ваше намерение достойно титула молодого барона. Божиим соизволением взятые деньги ищут быть отданными. Но если мы пьём на эти деньги сейчас, то успеет ли св. отец применить эти деньги во имя жизни. Мы едим и пьём с радостью, и не горюем о том, что это может быть наш последний час. А св. отец говорит о горе и могилах. Что если мы от наших грешных и недостойных сердец в порядке чумного бреда, устремим в небо дикую просьбу, возможно, она позабавит нашего Творца. Пускай не ради нас, грешных и недостойных, а ради искреннего намерения св. отца. Чума отойдёт от этих денег, и они помогут страждущим по воле Творца и Его промыслу.

Мэри: Эдмонд бы обрадовался, что я попрошу Творца об этом

Хор гостей: И наши матери и близкие были бы рады такой нашей просьбе. И обращение к чуме, где раскрывается суть чумы: грозное испытание, но от кого ты? Мы остро чувствуем жизнь, когда близка смерть. Мы не знаем, увидим ли следующую зарю после тёмной и холодной ночи, когда погаснут свечи за нашим столом. Но увидят же новый день другие счастливицы, ведомые Творцу и укрытые Им. Да будут с ними наш привет, наша любовь, наши погибшие мечты, наше преданное счастье. Да будет их еда Божией пищей, да будет их питье ангельской вестью. Почувствуют ли они нас, вспомнят ли. Кто знает, кроме творца.

Св. Отец: Вы множите безумье за безумьем. Вы утрачиваете последнюю надежду получить благо на небе.

Председатель: Довольно, отец, довольно речей, забирай деньги и уходи. Если все твои слова о благодати Творца верны, он не оставит просящих и тебя. А если они лживы, то тем более они нам не нужны.

Священник делает движение забрать сундук и открывает его. Дальше он должен сказать: Господь, ты удивляешь меня. Я вижу, что здесь собрались чада праха и своими бескрылыми желаниями они пачкают образ Твой. И всё же я удивляюсь, как они могут быть не привязаны к деньгам. Я не встречал такого прежде. Господь, разве Ты можешь допустить эти падшие создания до дел милосердия и великодушия. Здесь так много богатств. Они не истратили

и толики от этого состояния. (Из сундука вдруг выскочили прекрасные танцор и танцовщица. И был их танец подобен птичьему полёту. Удивительным образом к танцующим присоединились несколько гостей из-за стола).

Председатель сказал: Я узнаю Чарлза и Юлию, чью свадьбу прервала чума. Выходит, что теперь они живые.

После этого появляется певец. Мери его узнаёт, называя по имени и вспоминает, что его удивительные песни прервала чума. Песня певца о том, что с милым и в шалаше – рай. В другом куплете я дышу, а значит я люблю, я люблю, а значит я – живу. При первом куплете декорация представляет картину дворца и шалаша. После этого по сцене пробегает группа школьников, их прокомментирует Альбер и вспомнит песню Мери и произносит фразу «Он несколько занёс нам песен райских». Мне непонятно, это явь или смерть.

Председатель: Отец, ты здесь ещё? Что происходит с нами? Мы живы или умерли, скажи? Но если мы мертвы, здесь рай или ад? Я чувствую в себе невиданные силы, новые мысли и песни приходят со скоростью и лёгкостью, и в чаше вместо вина – что-то сияющее. Подойди, отец, посмотри. Что это?

Хор гостей: Подойди, отец, посмотри, какой новый цветок появился. Ещё один, ещё. Ой, они распускаются на глазах! Что это?

Отец: Я не знаю, не понимаю, у меня рябит в глазах. Как будто бес хочет забраться в мои глаза и уши. Уйди, сгинь, я не поддамся. (Ужель он прав, и не спасёт сутана? Значит зря молился непрестанно?) (убегает).

Как объединить всех персонажей:

О, сколько нам открытий чудных
готовит просвещения дух
и опыт сын ошибок трудных
и гений – парадоксов друг.
И случай, Бог – изобретатель,
как бы кузнец или ваятель
среди лишений бурь и бед
несёт неожиданный нам ответ.
Мудрее всех энциклопедий,
венец из «Маленьких трагедий».

Ольга Колесникова

Тот день

Это единственное, что было записано при его жизни, и честно говоря, я боюсь писать сейчас что-либо ещё, боюсь, что там будет много вымысла. А это всё-таки написано тогда, по горячим следам.

В тот день, который здесь описан, мы ещё не были с тобой знакомы, – познакомились, когда его уже не было, но ты была свидетелем времени, когда все еще было так близко, так горячо, так больно! Ты и Алка, были те самые очень родные люди, которые слушали меня тогда и поддерживали. Не суди эти записи очень строго – они написаны двадцатилетней девчонкой, я перенесла все это сюда, ничего не меняя, хотя это было нелегко.

Было 23 октября 1975-го года. Чудесное утро золотой осени. Я встала пораньше и поехала на рынок, чтобы купить что-нибудь для него, хотя я понимала, что в этом нет никакой необходимости

Мне часто кажется, что это моя любовь родилась не во мне, а передалась откуда-то извне, как инфекционная болезнь. Причём болезнь неизлечимая, – несмотря на частые улучшения, она подтачивает меня постоянно и, кажется, когда-нибудь доконает. Разве могла я сама произвести на свет этот абсурд? Я, с моим трезвым пониманием жизни, несмотря на некоторые романтические наклонности, с моим снисходительным равнодушием ко всем кумирам толпы, ко всей этой мишуре, с моей пронизательностью? Нет, тут постаралось какое-то скучающее божество, небесный алхимик, может быть, теперь с интересом наблюдающий за душевными корчами человеческого существа. Это подтверждается ещё тем, что иногда я, словно подчиняясь какому-то неслышному приказу, совершала поступки совершенно не зависящие от моей воли. Этот приказ звучал во мне так спокойно и властно, что никаких сомнений, относительно необходимости его исполнения, во мне не возникало.

Итак, я решила поехать к нему в больницу и, хотя никто не ждал меня, я должна была туда ехать. И нужно было купить что-нибудь на рынке.

Я купила три груши Дюшес, потому что люблю их больше остальных фруктов. Его вкусы в данном случае меня не волновали, я понимала, – чтобы я не привезла, это все равно окажется лишним. Я ехала на трамвае, солнце золотило верхушки пожелтевших берёз, и небо было голубое, как весной. Не было у меня с тех пор дня чудесней и удивительней.

Как рассказать о том утре? Как передать это ощущение ожидания чуда? Позвякивание трамвайного вагона, пронизанного золотым светом солнца, свежий холодок в воздухе. И в моей корзинке перекатываются три янтарные груши. Я долго мучилась, а потом достала одну и вонзила в неё зубы. Я подумала что это будет справедливо, – ведь ему не нужны жертвы.

Больницу я нашла сразу. Когда-то здесь лежала моя мама и я проделывала этот путь ежедневно, – сначала на трамвае, потом на троллейбусе.

У ворот стояла его машина. Ничто не казалась мне странным в то утро. Огромное новое здание из стекла и бетона. Я вхожу в просторный светлый вестибюль, за столиком с надписью «Стол справок» пожилая женщина со строгими глазами. Я спросила, как ему пройти, она брезгливо посмотрела на меня и ответила, что сегодня у них не приёмный день. «Странно, – подумала я, – почему-то мне казалось, что я увижу его сегодня».

– А передать что-нибудь можно? – спросила я, хотя мне нечего было передавать, кроме двух груш. После этого вопроса женщина посмотрела на меня уже с сомнением и нехотя посо-

ветовала спуститься вниз, в раздевалку и там сказать к кому я иду, может быть, меня и пропустят.

Халат мне выдали сразу же, стоило только называть его имя, и потом долго с интересом разглядывали меня, пока я переодевалась.

А я с грустью смотрела на себя в зеркало. Выглядела я, конечно, неважно. Моё лицо и так бледное от природы, благодаря халату, приобрело какой-то голубоватый оттенок жалкий хвостик из невымытых волос. Впрочем, этот же халат накладывал на мой облик отпечаток какой-то невинный скорби, и это было как раз то что нужно.

Я поднялась на 11-й этаж. Длинный широкий коридор и двери, двери по бокам. Это было почему-то детское отделение. Первая же медсестра сказала мне номер его палаты. Странно! Сейчас я уже не помню этого номера.

Его дверь была как раз напротив небольшого фойе, где стояли несколько кресел и столик, здесь же были двери двух лифтов.

Теперь мне нужно было войти к нему. Как это сделать я не представляла. Я уже открыла дверь с двумя номерами, – его комнаты и соседней, и теперь стояла в крохотной прихожей с умывальником, перед дверью, за которой раздавался его голос. И войти туда я не могла. Вдруг там кто-нибудь, кто знает меня? Уходить же было глупо. Да я и не могла я уйти, не выполнив тайного приказа, звучавшего во мне.

Я вышла из прихожей и обратилась к толстой пожилой женщине, стоящей в коридоре: – «Вы не могли бы позвать?» ... Она радостно и понимающе блеснула на меня глазками: – «Как его отчество, я забыла?..» Можно подумать, что она знала когданибудь!

Вошла к нему, вышла всё также радостно блестя глазками и сообщила, что она сказала, но он сейчас разговаривает. Я отошла и села в кресло. Достала книгу. Он всё не выходил. Но вот дверь открылась, и он, наконец, вышел с графином в руке. Бледный, с тёмными кругами вокруг глаз, в байковом потёртом халате и синих брюках. Взгляд его рассеянно скользнул по фойе и случайно остановился на мне. Он замер на секунду, но тут же овладел собой, повернулся и направился в мою сторону. Подошёл протянул руку:

– Оля, ты пришла навестить меня?

– Да, – я ответила вялым рукопожатием...

Он как-то странно посмотрел.

– Ну, подожди, – и направился куда-то по коридору.

Скоро вернулся и, проходя мимо, усмехнулся и покачал головой. Зашёл в палату, поставил графин и опять вышел. С озабоченным лицом подошел ко мне.

– Ты знаешь, мне сейчас всякие процедуры делать будут, ты не могла бы погулять часок?

Я кивнула и встала. Я проглотила это «погулять» как проглатывала и все его остальные бестактности по отношению ко мне. Всё это пока, думала я, и можно потерпеть. Он ведь привык общаться с этими девчонками которые влюбляются наслушавшись его песен и потом не дают ему прохода. Все это пока он не понял, что я совсем не такая, что я люблю его по-настоящему.

А он поймёт это и, тогда, обязательно полюбит меня. Ведь у него совсем никого нет! И эта женщина, которая считается его женой, разве она уезжала бы так надолго, если бы любила его?

Да, я всегда верила, верила свято, что настоящая любовь не может остаться безответной, – ведь это необходимо человеку, как воздух, чтобы его любили. А это так редко бывает, когда действительно любят!

Я вернулась ровно через час. Постучала и робко открыла дверь. Длинная узкая комната, окно во всю стену, тумбочка, кресло и койка с которой он привстал, когда я вошла. Ни капли радости не отразилось на его лице. В глазах затаённый испуг и досада.

– Да, вы лежите! – заботливо сказала я. Он помялся и остался сидеть. Кивнул на кресло:

– Садись! Как ты узнала что я здесь

Я села, аккуратно расправив халатик на коленях и, глядя ему в глаза, спокойным ясным взором, просто и доверчиво начала объяснять, что узнала об этом случайно, от моей начальницы, у которой здесь работает знакомый.

У меня есть такая манера разговаривать с людьми, которых я не считаю глупее себя, но в чем-то чувствую своё превосходство. В данном случае я ощущала своё превосходство от того, что знала всё о чём он думает, а он этого не знал. Я уже поняла, что он не любит меня нисколько и боится, что я сейчас начну серьёзный длинный разговор.

– Как вы себя чувствуете? – задала я традиционный вопрос.

– Да, как можно чувствовать себя в больнице?

Над кроватью висел портрет его жены. Шикарная женщина с глубоким вырезом на груди. Снисходительная улыбка кошачьих глаз из под удивлённых бровей. Хороший снимок почти создавал иллюзию присутствия. Сознывая свою власть, она глядела со стены насмешливо и спокойно. Но в тоже время её здесь не было и быть не могло. Уж больно не вязался её глубокий вырез с больничной обстановкой

– А как в театре?

Я ждала этого вопроса и начала подробно рассказывать все театральные новости. Он оживился, в глазах его засветился интерес

– А как Ванька Бортник?

Я рассеянно пожала плечами. К этому вопросу я не была готова.

– Был вчера на спектакле?

– Был... – так что же, они и вправду друзья?

– Да, вот, – это вам! – я достала из корзины и положила на тумбочку две груши.

– Да зачем? – он удивлённо посмотрел на меня и засмеялся. Груши произвели нужный эффект.

– Вы не любите груши? – невинно спросила я.

– Да нет, просто, у меня здесь и так всего навалом, а Толька Васильев зачем-то ещё банку варенья принёс.

– Наверное, чтобы вы пили чай, – логично заключила я.

– И вот ещё, – я достала из корзины «Литературку».

– О, спасибо! – он взял её в руки, – Что там интересного?

Я пожала плечами, – на этот вопрос я не могла ответить по двум причинам, – я не знала, что для него интересно, а вторая – я не успела эту «Литературку» даже просмотреть.

– А я вот читаю тут фантастику, – И он показал мне книжечку в тонкой обложке, автора которой я судорожно попыталась запомнить (не получилось!).

– Люблю книги, над которыми не надо задумываться.

– Да, это, как семечки лузгать, вроде и невкусно, а оторваться не можешь.

– Вам посетители, наверное, очень надоедают?

– Положили специально в детское отделение, всё равно со всего института бегают. Из этой комнаты выгнали трёх детей и положили меня.

– Бедные дети! А кормят здесь хорошо?

– Да, как хорошо, – дают много, но очень всё невкусное...

Станный это был разговор. Оба мы думали обо одном и том же, а говорили совсем о другом. Я вспоминала Ростов и удивлялась, он тоже вспоминал Ростов и уже жалел о тех крупяных чувствах, что проявил тогда. Он все ждал, что вот-вот я заговорю об этом, а я и не собиралась, – я пришла не для того чтобы предьявлять счёт.

– Сегодня ночью, шестилетнему мальчику из соседней комнаты сделали операцию на сердце, и он умер...

Я промолчала. Что я могла ответить? Да и не было сейчас в моём изболевшемся сердце места для чужих болей.

– Хочешь, покажу сердечный клапан? Мне его хирург тут подарил.
Я кивнула.

Он достал пластмассовую коробочку, похожую на коробочку из под крема. Долго отвинчивал крышку. Объяснил, как действует этот клапан, как под давлением крови ходит шарик туда и обратно. Я представляла себе эти клапаны гораздо меньше размерами.

– Страшно... – сказала я.

Да... – он задумчиво кивнул, глядя на меня.

– А мне вчера предложение сделали, – зачем я это сказала? Господи, до чего глупо! Неужели, я надеюсь возбудить в нём ревность?

– Кто?

– Он у нас монтировщиком работает, – Саша, такой черненький

– Какой это? – Он сдвинул брови, припоминая.

– Ну, вы его еще как-то на машине катали.. – А-а! – Вряд ли он вспомнил.

– Ну, что ж, – подумай, желаешь ли ты изменить свою жизнь...

– Смешно, – я скривила губы.

Он с усталой снисходительностью поглядел на меня:

– Все равно придётся выйти замуж, ну, или просто жить с кем-то...

– У меня никого не будет! – твёрдо, но с грустью сказала я

– Почему? – он испуганно посмотрел на меня, мало ли что с девушкой!

– Так я решила.

Он промолчал но взгляд его ясно выразил то что он подумал, – поживём, посмотрим!

Потом ещё некоторое время внимательно глядел на меня и, вдруг, как будто совершенно серьезно, спросил:

– А ты не пробовала гашиш, марихуану?

Испуганно вытаращив глаза, я замотала головой.

Та-ак!... Кажется, он предлагает мне лекарство от любви!

Зачем этот разговор? А впрочем, чего я хочу чтобы он обманывал меня до конца? Но ведь себя ты не обманешь!

– Ну, а уехать куда-нибудь?

Не поможет, подумала я, но лишь спросила насмешливо:

– Куда – на БАМ?

– Хотя бы! – убеждённо кивнул он, – нет, серьезно, я и сам хотел уехать куда-нибудь на год.

(Тут я здорово перетрухнула, а вдруг, и правда, уедет? Но быстро успокоилась, ничего, – год это не так уж много).

– Или, например, не пробовала ты удариться в разврат?

– А вот это надо попробовать! – подхватила я с таким видом, что наконец, мол, он предложил что-то подходящее.

Он недоумённо замолк и осторожно заметил:

– Но тогда будет ещё хуже...

– Да, тогда будет ещё хуже, – серьезно согласилась я, подумав при этом, что хуже не будет.

Ну вот он и высказал мне всё, что хотел. Тут тебе и поддержка, и вся любовь, и напутствие в дальнюю дорогу. Как говорится у нас в одном спектакле, – мне бы встать и уйти. Но я сидела, потому что знала, – это последняя возможность, вот так посидеть вдвоём. Да, и не за его напутствиями я пришла. Все это я знаю и без него. И, потом, просто не было сил встать и уйти.

Вошла медсестра со шприцом в руке. Внимательно посмотрела на меня:

– Укольник!

Я вышла в прихожую. Только сейчас, из-за этого «укольчика» я, наконец, реально ощутила, что он в больнице и, что, может быть, с ним что-нибудь страшное. Стоит мне начать продумывать эту тему и я уже не могу удержаться от слёз.

Он вошёл через минуту радостный.

– Плачешь? – страшно удивился он, – Ты что это?

Мы прошли в палату.

– И укол-то ерундовый! – с недоумением добавил он.

Я села в кресло. Слёзы текли по щекам. Я ничего не могла с собой поделать. С ужасом вспоминала, как я выгляжу заплаканная.

– У вас есть носовой платок?

Он усмехнулся и достал из тумбочки чистый носовой платок. Я закрыла лицо и перестала сдерживаться, – не все ли равно, как я выгляжу? Уж, ему-то это точно всё равно! И от этой мысли я заплакала ещё сильнее.

– Ну, ты что?! – он испугался, кто-нибудь мог войти, – Ну, почему ты плачешь?

– Обычно, люди плачут от того, что им жалко себя...

– А почему тебе себя жалко?

Потому что он не любил меня. В нём не было даже сотой доли того, что испытывала к нему я. Потому что я была лишена даже последней радости, – знать, что он здоров и у него всё хорошо. Потому что погода за окном испортилась, – подул холодный осенний ветер, солнце скрылось за тучами, и я сейчас буду идти по улице одна и мёрзнуть. Идти на работу, которую я ненавижу. Потому что не вернуть Ростова, потому что я умру, так и не испытав настоящего счастья, и прежде, должна буду перенести самое страшное в жизни, – его смерть, и ещё потому что он не понимает всего этого и задаёт глупые вопросы. Ведь не могу же я все это объяснить!

– Дать седуксенчику?

Я кивнула, взяла таблетку, проглотила, запила водой.

– Ну прекрати!.. – он положил мне на шею руку, и от мысли, что это, может быть, последнее его прикосновение, я прямо-таки зарыдала.

Рука отдёрнулась.

Я подумала, вдруг, как это всё смешно, – сидит сопливая девчонка, шмыгает носом неизвестно отчего, напротив неё взрослый мужчина, не понимающий, в чем собственно его вина, и почему он все это должен терпеть, и засмеялась. Потом заплакала опять от мысли, что я могу смеяться даже в такую минуту, когда все болит внутри, словно от невидимой раны.

Он достал сигарету и закурил.

– Можно я тоже?

Протянул мне длинную золотую пачку, – такие мы курили с ним в Ростове. Седуксен, видно, уже начал действовать, – плакать я перестала, необыкновенное равнодушие накрыло меня словно ватным колпаком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.